

Сперанский и Декабристы.

I.

А. Д. Боровковъ, правитель дѣлъ комитета, который вель слѣдствіе о декабристахъ, въ своихъ «Автобіографическихъ запискахъ», говоритъ: «Нѣкоторые злоумышленники показывали, что надежды ихъ на успѣхъ основывали они на содѣйствіи членовъ Государственного Совѣта графа Мордвинова, Сперанского и Киселева, бывшаго тогда начальникомъ штаба 2-ой арміи, и сенатора Барапова. Изысканіе обѣя отношеній этихъ лицъ къ злоумышленному обществу было произведено съ такой тайною, что даже чиновники комитета не знали; я самъ собственноручно писалъ производство и хранилъ у себя отдельно, не вводя въ общее дѣло. По точнѣйшемъ изысканіи обнаружилось, что надежда эта была только выдуманною и болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ. Не думаю, чтобы обѣя этомъ было извѣстно подвергнувшимся безъ вѣдома ихъ слѣдствію; по крайней мѣрѣ, когда я, исправляя должностъ статсь-секретаря Государственного Совѣта, сблизился весьма хорошо съ графомъ Мордвиновымъ и пользовался его благосклонностью, а бывъ предсѣдателемъ комитета для передѣлки Свода Военныхъ Постановлений, часто и откровенно бесѣдовалъ съ графомъ Сперанскимъ, они ничего мнѣ не говорили и ничего не спрашивали о сдѣланномъ противъ ихъ извѣтѣ... Можетъ быть мятежники лъстили себя надеждою на ихъ содѣйствіе, увлекаясь свободнымъ и рѣзкимъ изложеніемъ ихъ мнѣній».*)

То же самое въ тѣхъ же почти выраженіяхъ говорить и секретное приложеніе къ докладу Слѣдственной Комиссіи.**) Ни въ томъ, ни въ другомъ документѣ не ука-

*.) Русская Старина, 1898 годъ, № 11, стр. 348.

**) Русскій Архивъ, 1875 годъ, т. III, стр. 435.

зано, какимъ именно образомъ велось и пришло къ своему выводу это своеобразное таинственное слѣдствіе.

Преемственная связь между воззрѣніями декабристовъ (по крайней мѣрѣ Сѣверного Общества) и идеями Сперанского (его первого блестящаго періода) достаточно очевидна. Разумѣется, конституція Никиты Муравьевса шла дальше давнихъ конституціонныхъ проектовъ государственного секретаря. Между ними лежало два самыхъ бурныхъ десятилѣтія европейской исторіи и крушеніе имперіи Наполеона. Но съ точки зрењія Николая I и его приближенныхъ разница была невелика: декабристы были духовныя дѣти Сперанского. Идеологической связи, однако, недостаточно. Слѣдствіе упорно ищетъ соучастія.

Что же собственно показывали «нѣкоторые злоумышленники» по вопросу о содѣйствіи, якобы оказанномъ имъ Сперанскимъ? Надо признать, ихъ показанія не давали материала для привлеченія къ отвѣтственности знаменитаго государственного дѣятеля. Съ извѣстной опредѣленностью высказывался Завалишинъ. По его словамъ, въ самый день 14 декабря, утромъ, Корниловичъ предложилъ Сперанскому войти въ составъ Временнаго Правительства. На это Сперанскій будто бы отвѣтилъ:

— Съ ума вы сошли? Развѣ дѣлаютъ такія предложения преждевременно? Одержите сначала верхъ, тогда все будутъ на вашей сторонѣ.

Однако, въ показаніяхъ Корниловича*) ничего объ этомъ діалогѣ нѣть. И самый складъ ума Сперанского, нисколько не циническій, дѣлаетъ такой отвѣтъ съ его стороны мало вѣроятнымъ.

Не менѣе опредѣленное свидѣтельство о роли, сыгранной Сперанскимъ, оставилъ намъ и бар. Штейнгель. Въ томъ, что Сперанскій намѣчался декабристами въ составъ Временнаго Правительства, вообще сомнѣваться не приходится. Князь Сергѣй Трубецкой въ письмѣ своемъ къ Бенкendorфу (отъ 26 декабря 1825) говоритъ слѣдующее: «На бывшій мнѣ вопросъ въ комъ я и нечастные това-

*) Въ предпринятомъ недавно « Центрархивомъ » полномъ изданіи слѣдственного дѣла по декабрьскому восстанию (« Возстаніе Декабристовъ », 1925 г.), показанія Корниловича (и Завалишина) еще не появились. Я въ дальнѣйшемъ буду пользоваться лишь тѣмъ, что уже напечатано въ этомъ первомъ полномъ изданіи дѣла.

рищи бѣдственныхъ подвиговъ моихъ надѣялись снискать помошь изъ особъ занимающихъ высшія въ Правительствѣ мѣста, я отвѣтилъ истинну что мы не имѣли никакихъ поводовъ ни на кого изъ такихъ особъ надѣяться... Но Вашему Высокопревосходительству я обязанъ сказать по истинѣ на кого я хотя и безъ всякихъ причинъ мѣтилъ въ запискѣ, находящейся при дѣлахъ комитета ; я обязанъ вамъ сказать, что я мѣтилъ на Михаила Михайловича Сперанскаго и Александра Семеновича Мордвинова, единственно потому, что первого почиталъ не врагомъ новостей, какъ онъ многіе вводилъ будучи Государственнымъ секретаремъ, а на второго потому что онъ изъ извѣстнѣйшихъ особъ въ Государствѣ. О первомъ я старался узнать отъ Правителя его Канцелярии Батенкова, и получилъ только въ отвѣтъ « нѣть Батюшка, у нашего старика не вывѣдаешь что онъ думаетъ ».*)

Съ этимъ совпадаетъ и показаніе Рыльева : «На ето сей послѣдній (Трубецкой) возразилъ, что во Временное Правленіе надобны люди уже извѣстные всей Россіи и предложилъ къ тому Мордвинова и Сперанскаго. На что всѣ согласились. Я также былъ съ ними согласенъ, и съ самаго того времени по 14 декабря мысль сія въ Сѣверномъ Обществѣ оставалась неизмѣнною».**)

Здѣсь разногласій у декабристовъ нѣть. Но слѣдствіе, разумѣется, интересуется другимъ вопросомъ. Ему необходимо выяснить, зналъ ли Сперанскій о томъ, что его намѣчаютъ во Временное Правительство. Комиссія спрашивавшая упорно, — показанія теряютъ опредѣленность. Кн. Евгений Оболенскій говоритъ положительно : « Никто изъ нихъ о намѣреніи нашемъ имъ (Мордвинову и Сперанскому) не говорилъ, и они о существованіи Общества совершенно не знали ».***) Но вотъ Каховскій показываетъ не совсѣмъ такъ. Ему ставится вопросъ : « Вы говорили Сутгофу, что подполковникъ Батенковъ связываетъ общество съ Г. Сперанскимъ и что общество имѣть сошенія съ симъ послѣднимъ черезъ первого. На чёмъ основаны сіи слова ваши ? »... Каховскій отвѣчаетъ : « Сутгову, какъ члену общества, болѣе еще, какъ моему другу

*) «Возстаніе Декабристовъ», т. I, стр. 45.

**) Тамъ же, стр. 176.

***) Тамъ же, стр. 232.

я могъ передавать мои и подозрѣнія ; но не имѣя ясныхъ доказательствъ, я считалъ безсовѣстнымъ, въ дѣло столь пагубное вмѣшивать генерала Ермолова и Господина Сперанского. Отъ Рылѣева я слышалъ, что генералъ Ермоловъ знаетъ о существованіи Общества ; Рылѣевъ же говорилъ мнѣ, что будто бы Г. Сперанскій принимаетъ участіе въ обществѣ ; но Рылѣевъ, очень часто себѣ противорѣчилъ, и потому я недаю много вѣры словамъ его : онъ одинъ разъ сказалъ мнѣ, что Г. Сперанскій « нашъ ». На другой же день говоритъ : « онъ будетъ нашъ, мы на него дѣйствуемъ черезъ Батенкова ».*). Такъ показывается (3 января 1826 г.) Каховскій. Рылѣевъ отрицаєтъ : « Никогда не говорилъ я ни Каховскому, ни кому другому, что у насъ есть люди и въ Сенатѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ, и не называлъ ни Ермолова, ни Сперанского. Не говорилъ также, что будто мы дѣйствуемъ на Сперанскаго черезъ Батенкова »**). Между Рылѣевымъ и Каховскимъ устраивается очная ставка. Каждый остается при своемъ показаніи.

Вотъ собственно и все. Кто правъ, неизвѣстно. Трудно допустить, что Батенковъ, человѣкъ экспансивный и неврастеническій по природѣ, въ разговорахъ съ Сперанскимъ ни разу, даже гамекомъ, не коснулся заговора. Какъ бы то ни было слѣдствіе дѣлаетъ выводъ : надежда на участіе Сперанскаго « была только выдуманною и болтовнею для увлечения легковѣрныхъ ». Спорить съ выводомъ не приходится. Однако слова Боровкова « по точнѣйшемъ изысканіи обнаружилось » вызываютъ въ настоящемъ слушаѣ и нѣкоторое недоумѣніе : это ли « точнѣйшее изысканіе » ? Боровковъ, который собственно руководилъ всѣмъ слѣдственнымъ дѣломъ, былъ человѣкъ неглупый и прекрасно понималъ, что декабристы могли не губить Сперанскаго даже въ томъ случаѣ, если онъ принималъ участіе въ ихъ дѣлѣ.

Такъ или иначе невиновность бывшаго государственнаго секретаря какъ будто выясняется въ самомъ началѣ слѣдствія. Письмо кн. Трубецкого Бенкendorфу написано 26-го декабря 1825 года. Кн. Оболенскій свое категорическое заявленіе : « они о существованіи общества совершенно не знали » дѣластъ двумя днями позднѣе : 28

*.) Тамъ же, стр. 344.

**) Тамъ же, стр. 201.

декабря. Казалось бы, сразу твердо устанавливается, что все было « болтовнею для увлеченья легковѣрныхъ ». Но вотъ что разсказываетъ — уже не на слѣдствії, а въ своихъ воспоминаніяхъ — князь Трубецкой: *).

« 28 числа марта, послѣ обѣда, отворяютъ дверь моего номера**) и входить генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, высыпаетъ офицера и послѣ незначущихъ замѣчаній о сырости моего жилища, садится на стулъ и просить меня сѣсть. Я сѣлъ на кровать.

Онъ ***) (Бенкендорфъ): Я пришелъ къ вамъ отъ имени Его Величества. Вы должны представить себѣ, что говорите съ самимъ Императоромъ. Въ этомъ случаѣ я только необходимый посредникъ. Очень естественно, что Императоръ самъ не можетъ придти сюда; васъ позвать къ себѣ для него было-бы неприлично; слѣдовательно между вами и имъ необходимъ посредникъ. Разговоръ нашъ останется тайной для всего свѣта, какъ будто-бы онъ происходилъ между вами и самимъ Государемъ. Его Величество очень снисходителенъ къ вамъ и ожидаетъ отъ васъ доказательства вашей благодарности.

Я. Генераль, я очень благодаренъ Его Величеству за его снисходительность, и вотъ доказательство ея.

Онъ. Да что это!.. дѣло не въ томъ, — помните, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Я знаю, что нахожусь ближе къ послѣдней.

Онъ. Хорошо! Вы не знаете, что Государь дѣлаетъ для васъ. Можно быть добрымъ, можно быть милосерднымъ, но всему есть границы. Законъ предоставляетъ Императору неограниченную власть, однако есть вещи, которыхъ ему не слѣдовало-бы дѣлать, и я осмѣливаюсь сказать, что онъ превышаетъ свое право, милуя васъ. Но нужно, чтобы и съ своей стороны вы ему доказали свою благодарность. Опять повторю вамъ, что все сообщенное вами будетъ извѣстно одному только Государю; я только посредникъ, черезъ которого ваши слова передаются ему.

Я. Я уже сказалъ вамъ, что очень благодаренъ Государю за позволеніе переливаться съ моей женой. Минѣ

*). Записки князя С. П. Трубецкого. С.-Петербургъ, 1907 г. ст. 55.

**). Въ Алексѣевскомъ рабочинѣ.

***). Разговоръ происходилъ по французски.

бы очень хотѣлось знать, какимъ образомъ я могу показать свою признательность.

Онъ. Государь хочетъ знать, въ чёмъ состояли ваши сношения съ Сперанскимъ.

Я. У меня не было съ нимъ особенныхъ сношений.

Онъ. Позвольте, я долженъ вамъ сказать отъ имени Его Величества, что все сообщенное вами о Сперанскомъ останется тайной между имъ и вами. Ваше показаніе не повредить Сперанскому, онъ выше этого. Онъ необходимъ, но Государь хочетъ только знать, до какой степени онъ можетъ довѣрять Сперанскому.

Я. Генераль, я ничего не могу вамъ сообщить особенного о моихъ отношеніяхъ къ Сперанскому, кромѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ отношеній.

Онъ. Но вы разсказывали кому-то о вашемъ разговорѣ съ Сперанскимъ. Вы даже совѣтовались съ нимъ о будущей конституціи Россіи.

Я. Это несправедливо, генераль, Его Величество ввели въ заблужденіе.

Онъ. Я опять долженъ вамъ напомнить, что вамъ нечего бояться за Сперанского. Самъ Государь увѣряетъ васъ въ этомъ, а вы обязаны ему большою благодарностью, вы не можете себѣ представить, что онъ дѣлаетъ для васъ. Опять говорю вамъ, что онъ преступаетъ, относительно васъ всѣ божескіе и человѣческіе законы. Государь хочетъ, чтобы вы вашей откровенностью доказали ему свою признательность.

Я. Мне бы очень хотѣлось доказать мою признательность всѣмъ, что только находится въ моей власти ; но не могу же я клеветать, на кого бы то ни было ; не могу же я говорить то, чего никогда не слышалось. Государь не можетъ надѣяться, чтобы я выдумалъ разговоръ, которого вовсе не происходило. Да если-бы я и былъ достаточно слабъ для этого, надо еще доказать, что я имѣлъ этотъ разговоръ.

Онъ. Да вы рассказали кому-то объ немъ.

Я. Нѣть, генераль, я не могъ рассказывать разговоръ, которого не было.

Онъ. Государь знаетъ, что вы рассказали его одному лицу, и онъ узналъ объ немъ именно отъ этого лица.

Я. Могу васъ увѣрить, генераль, что это лицо солгало Государю.

Онъ. Берегитесь, князь Трубецкой, вы знаете, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Знаю, но не могу же я сказать ложь и я долженъ повторить вамъ, что лицо, имѣвшее дерзость сообщить Государю о какомъ то разговорѣ моемъ съ Сперанскимъ, солгало, и я докажу это на очной ставкѣ. Пусть Государь сведетъ меня съ этимъ лицомъ, и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Это невозможно, вамъ нельзя дать очную ставку съ этимъ лицомъ.

Я. Назовите мнѣ его и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Я не могу никого называть ; вспомните сами.

Я. Совершенно невозможно, генераль, вспомнить о разговорѣ, которого никогда не было ».

Объ этомъ допросѣ декабристского диктатора генадыютант. Бенкендорфомъ официальное слѣдствіе не говорить ни одного слова. Разговоръ происходитъ съ глазу на глазъ, безъ всякихъ протоколовъ. Разумѣется, такие допросы и входили въ то секретнѣйшее слѣдствіе, о которомъ разсказываетъ Боровковъ. Сцена, описанная Трубецкимъ, во многихъ отношеніяхъ поразительна. Ни о Мордвиновѣ, ни объ Ермоловѣ, ни о Барановѣ больше нѣтъ рѣчи. Трубецкого спрашиваютъ только о Сперанскомъ и всячески подчеркиваютъ огромное значеніе допроса. Спрашиваетъ какъ-бы самъ Николай („Vous devez considérez comme si vous parliez avec l'Empereur lui-même“) за откровенность царь обѣщаетъ милость, за скрываніе грозить казнью : („repelez garde, prince Troubetzkoy, vous savez que vous êtes entre la vie et la mort“) И все это происходитъ 28 марта — три мѣсяца спустя послѣ письма Трубецкого ! Очевидно, официальному слѣдствію въ этомъ вопросѣ Николай не придастъ никакой вѣры.

Слѣдственная комиссія вопроса по настоящему не разрѣшила. Не разрѣшила его и исторія. Многое здѣсь остается неяснымъ. Черезъ 30 лѣтъ послѣ декабрьскаго дѣла въ 1854 году, престарѣлый Батенковъ, бывшій близайшимъ человѣкомъ къ Сперанскому, отвѣчая на вопросы проф. Пахмана, писалъ ему : « Біографія Сперанскаго соединяется со множествомъ другихъ біографій... Объ иныхъ вовсе говорить нельзя, а есть и тако-

го много, что правда не можетъ быть обнаружена».*)

Результатъ слѣдствія оказался совершенно неожиданный и, можно сказать, даже неслыханный. Комиссія заканчиваетъ свои работы, учреждается Верховный Уголовный Судъ. И въ составъ его назначается — членъ Государственного Совѣта М. М. Сперанскій! Онъ долженъ судить людей, каждого изъ которыхъ долго, настойчиво, упорно допрашивали, не быть ли новый судья соучастникомъ преступлений.

Поступокъ Николая довольно понятенъ: назначеніе Сперанскаго въ судъ надъ декабристами было съ одной стороны актомъ изощренной мести, **) съ другой — диктовалось простымъ политическимъ разсчетомъ. Оно морально губило Сперанскаго. Судья декабристовъ уже не могъ быть опасенъ въ качествѣ вождя либерального движения. Кроме того въ Европѣ знали бывшаго государственного секретаря: его имя было гарантіей культурнаго правосудія. А съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ Николай I въ ту пору еще считался (донесеніе Слѣдственной Комиссіи было, по его приказу, переведено на нѣсколько иностранныхъ языковъ).

Сперанскій отъ назначенія не отказался.

II

О ходѣ работъ въ Судѣ надъ декабристами намъ известно мало, о роляхъ въ немъ отдѣльныхъ судей — еще меньше. Разумѣется, по умственнымъ свойствамъ и подготовкѣ, благодаря своему необыкновенному краснорѣчію, познаніямъ, способности къ логическому и юридическому анализу, Сперанскій въ составѣ суда долженъ былъ занять мѣсто совершенно исключительное. Такъ оно дѣйствительно и было. Сперанскій сталъ душою Верховнаго Уголовнаго Суда.

*) Декабристы. Неизданные материалы и статьи. Москва. 1925 г., стр. 181.

**) О ненависти, которую въ ту пору Сперанскій вызывалъ въ Николаѣ I, упоминаетъ княгиня Ливенъ, чрезвычайно близко стоявшая къ царской семье.

Какъ извѣстно, судъ надъ декабристами былъ весьма своеобразный. Защита была признана излишней, подсудимыхъ не допрашивали, появленіемъ въ судъ не беспокоили, и суды ихъ въ глаза не видали. Особой комиссіи было только предложено опросить подсудимыхъ, вѣрно ли изложены показанія, данные ими на слѣдствіи. Эта формальность оказалась впрочемъ непріятной: «нѣкоторые лица изъ подсудимыхъ», — разсказываетъ князь Трубецкой, — «объявили, что отвѣты ихъ были вынуждены насищеннымъ мѣрами, голодомъ, заковываніемъ въ желѣзо и т. п. Посланъ былъ къ нимъ священникъ упрашивать ихъ, чтобы они взяли назадъ это показаніе, и онъ успѣлъ въ этомъ». Очень характерно въ этомъ судѣ это уваженіе къ ф о р мѣ!

Суду въ полномъ составѣ собственно дѣлать было нечего. Вся работа досталась двумъ комиссіямъ, выдѣленнымъ изъ состава суда. Одна изъ нихъ дѣлила подсудимыхъ по разрядамъ — кого четвертовать, кого повѣсить, кого сослать въ каторжныя работы. Другая составила все-подданѣйший докладъ о каракъ.

Сперанскій, единственный изъ всего (довольно многочисленнаго) состава суда, вошелъ въ обѣ комиссіи. Это само по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, какую роль онъ игралъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ. Для составленія доклада царю были избраны всѣ три человѣка: Сперанскій, сенаторъ Казадаевъ и ген.-адъютантъ Бороздинъ. При такомъ составѣ комиссіи нетрудно догадаться, кто писалъ всеподданѣйший докладъ. Вѣроятно, Бороздину и Казадаеву и въ голову бы не пришло взять въ руки перо въ присутствіи ихъ знаменитаго товарища.

Докладъ суда извѣстенъ. Онъ принадлежитъ Сперанскому. Этотъ докладъ мастерски составленъ, въ родѣ лучшихъ записокъ Сперанского, и написанъ тѣмъ прекраснымъ языкомъ, которымъ онъ одинъ въ ту пору писалъ въ Россіи.*).

По содержанию же своему документъ этотъ представляетъ собой высокій образецъ гнусности. Достаточно ска-

*). Огромная стилистическая заслуга Сперанского обычно забывается. Пушкину Россія обязана своимъ литературнымъ стилемъ; Сперанскій создалъ превосходный дѣловой русскій языкъ, тотъ «казенный стиль», падь которымъ принято было насыхаться и кото-

зать, что въ немъ есть такая фраза : « Хотя милосердію, отъ самодержащей власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ ; но верховный уголовный судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія, столь высокія и съ общею безопасностью государства столь смежныя, что самому милосердію онъ, кажется, должны быть недоступны».

12 іюля (наканунъ казни) всѣ члены Верховнаго суда изъ Сената въ каретахъ отправились въ комендантскій домъ Петропавловской крѣпости — объявить приговоръ осужденнымъ. Засѣданіе началось около часу. « Въ ближайшей комнатѣ », — говорить Шильдеръ, — « находился протоіерей Мысловскій, лѣкарь и два цырульника съ приготовленіями для кровопусканія. Ихъ человѣколюбивая помощь, однако, ни для кого не потребовалась. По свидѣтельству очевидца, весьма немногіе осужденные выказали нѣкоторое смущеніе, выслушивая приговоръ суда ».

Во время этой шекспировской сцены М. М. Сперанскій могъ увидѣть людей, осужденныхъ имъ на смерть за революцію, которую они устроили для того, чтобы посадить его въ правители государства. Въ залѣ комендантскаго дома въ тотъ часъ были только онъ и они. Всѣ остальные — отъ цырюльниковъ до сановниковъ — были чернь. Сперанскій хорошо зналъ многихъ дѣятелей декабрьского восстанія. Одинъ изъ нихъ (Батенковъ) былъ его ближайшимъ другомъ. Вдѣбавокъ изъ 121 осужденныхъ 24, въ томъ числѣ трое приговоренныхъ имъ къ четвертованію (Пестель, Рыльевъ и С. Муравьевъ-Апостолъ), были братья : Сперанскій въ 1810 году вступилъ въ масонскій орденъ.

Участіе въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ надъ декабристами недешево далось Сперанскому. Его біографъ, баронъ Корфъ, тщательно обходя эту страницу жизни своего героя, удѣляя ей тридцать строчекъ въ книгѣ въ семьсотъ страницъ, говоритъ глухо : « Всѣ эти

рый по точности почти не уступаетъ французскому, превосходя его въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Предшественникъ Сперанскаго въ созданіи образцового дѣлового слога, канцлеръ А. А. Безбородко, былъ для него тѣмъ, чѣмъ Державинъ былъ для Пушкина.

занятія, по самому характеру своему, чрезвычайно тягостно подѣйствовали на духъ Сперанского. Положеніе его было тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ несчастныхъ, подпавшихъ обвиненію и потомъ осужденію, были лично ему знакомы и входили къ нему въ домъ, а одинъ жилъ у него и пользовался особой его пріязнью и довѣренностью. Дочь*) пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ это мучительное время она не рѣдко видѣла отца въ терзаніяхъ и со слезами на глазахъ, и что онъ даже покушался совсѣмъ оставить службу»... **)

III.

Что руководило Сперанскимъ? Страхъ? Да, должно быть онъ очень испугался. Мнѣ представляются совершенно неправдоподобными слова Боровкова, будто Сперанскому ничего не было известно о слѣдствіи, которое надѣлъ имъ велось. Слишкомъ много людей знало объ этомъ слѣдствіи для того, чтобы Сперанскій, при его громадныхъ связяхъ, могъ о немъ не знать. И слѣдователи, и допрашиваемые были добрые знакомые или, по крайней мѣрѣ, люди одного съ нимъ круга. Сперанскій не могъ не знать, какая гроза надѣлъ имъ повисла. Это было похоже, чѣмъ-подозрѣнія, за тринацать лѣтъ до того повлекшія для него катастрофу.

Надо себѣ представить психологическую атмосферу тѣхъ дней. Говорять объ общемъ сочувствіи русского общества декабристамъ. Я тщетно ищу наглядныхъ доказательствъ этого общаго сочувствія. О простомъ народѣ мы имѣемъ недавно опубликованное свидѣтельство секретнаго агента Висковатаго: «Начали Бары вѣшать и ссылать на каторгу, жаль, что всѣхъ не перевѣсили, да хоть бы одного кнутомъ отодрали и съ нами поравняли; да долголь, коротколи, имъ не миновать этого».***) Часть высшаго общества по словамъ агента, шопотомъ говори-

*) Дочь Сперанского, Е. М. Фролова-Багрѣева.

**) Баронъ М. Корфъ. Жизнь графа Сперанского, СПБ., 1861 г., т. I, стр. 309.

***) Декабристы. Неизданные материалы и статьи, подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго и Ю. Г. Оксмана. Москва, 1925 года, стр. 40.

ла (о казни) : „Quelle hogteur ! Но преувеличивать «взрывъ негодованія» отнюдь не слѣдуетъ. Декабрьское дѣло — «трагедія одиночества». Мы знаемъ, какъ отнеслись къ расправѣ съ его участниками лучшіе люди Россіи. Пушкинъ держался благороднѣе всѣхъ, но и онъ написалъ «Въ надеждѣ славы и добра». Жуковскій не постыдился назвать декабристовъ «сволочью», хоть, по добротѣ своей, втихомолку ходатайствовалъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Тютчевъ тоже не поцеремонился въ выраженіяхъ : «Народъ, чуждаясь вѣроломства, поносить ваши имена»... — говорить его стихотвореніе, впрочемъ двусмысленное и противорѣчивое. Чего было ждать отъ людей обыкновенныхъ? Произошло то, что во всѣ времена происходило послѣ подавленія неудачныхъ революцій. Къ ногамъ тріумфаторовъ хлынула волна человѣческой низости. «Здѣсь одно рвеніе, чтобы помогать мнѣ въ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Отцы приводятъ своихъ сыновей, всѣ желаютъ примѣрныхъ наказаній», — писалъ Николай своему брату 23 декабря 1825 года. Конкурсъ подлости оказался серьезный. Пятнадцать генераловъ єздили просить царя, чтобы большее число подсудимыхъ было осуждено на смерть. Графиня Браницкая пожертвовала двѣсти пудовъ желѣза на кандалы для участниковъ южного восстанія. Членъ Верховнаго Уголовнаго Суда сенаторъ Лавровъ требовалъ четвертованія шестидесяти трехъ человѣкъ.

Сперанскій испугался — и имѣлъ для этого основанія. Однако дѣло было не только въ испугѣ. Отказаться отъ участія въ Верховномъ Судѣ значило подтвердить подозрѣнія, — это дѣйствительно было страшно. Но отъ мѣста въ комиссіяхъ, отъ составленія всеподданѣйшаго доклада Сперанскій, конечно, могъ уклониться безъ шума. Всякій знаетъ, что въ комиссіи выбираютъ только тѣхъ, кто въ нихъ желаетъ быть избранными. Если Сперанскій принялъ избраніе, если онъ вызвалъ его своимъ поведеньемъ въ засѣданіяхъ общаго состава суда, если онъ взялся писать докладъ о казняхъ, — этого однимъ страхомъ не объяснишь. Сперанскому, очевидно, было нужно сыграть первую роль въ дѣлѣ. Объ его мотивахъ мы можемъ догадываться, и здѣсь психологическая драма очень выдающагося человѣка сливается съ огромной политической проблемой, тѣсно связанной со всей русской исторіей послѣдняго столѣтія.

IV.

Пятнадцати лѣтъ отроду Сперанскій аккуратно записывалъ, въ какой день «окончилась бочка первая полнива, 9-ть недѣль продолжавшаяся», и въ какой шель «пресильный дождь», и когда «начали слушать физику», и когда «праздновали день рожденія о. игумена», и когда «полученъ указъ о выздоровленіи Ихъ Высочествъ» послѣ привитія имъ натуральной оспы*). Есть въ его дѣтскомъ дневникѣ латинскія цитаты, философскія размышленія. Но регистрація бочекъ полнива, кадочекъ огурцовъ и пресильныхъ вѣтровъ преобладаетъ. Во время Сперанскаго статистика не успѣла создаться,— иначе она навѣрно стала бы его любимой наукой. Въ послѣдніе годы жизни, заваленный работой, среди безчисленныхъ заѣданій, онъ вѣлъ дневникъ приблизительно такого же характера и столь же аккуратно записывалъ каждый день, у кого и съ кѣмъ обѣдалъ. Сперанскій самъ составлялъ свой камеръ-фурьерскій журналъ. Онъ родился и умеръ бюрократомъ.

Но бюрократъ онъ былъ почти геніальный, съ большой шириной взгляда, съ удивительнымъ практическимъ размахомъ, съ огромнымъ умомъ, съ энергией поистинѣ необыкновенной. По политическимъ дарованиямъ Сперанскій головой выше всѣхъ своихъ современниковъ, не исключая декабристовъ и Карамзина: злой гений Александровской Россіи, Карамзинъ довольно плоско вышучивъ смысла, на польѣка впередъ брошенныя реформы государственного секретаря.

Вдѣбакъ, былъ онъ добрымъ, благожелательнымъ и въ общемъ порядочнымъ человѣкомъ,— пожалуй даже непостижимо порядочнымъ для той чудесной карьеры, которая выпала на его долю. Роль въ судѣ надъ декабристами въ сущности единственная гнусность въ этой карьерѣ,— много ли стоявшихъ у власти политическихъ дѣятелей имѣть моральный балансъ лучше? Обвиняли его въ корыстолюбіи. Онъ ворочалъ миллионами, устроилъ русский бюджетъ, но лишившись въ 1812 году жалованья, голодалъ почти въ буквальномъ смыслѣ слова. При своей скромной жизни, онъ оставилъ наслѣдникамъ не очень большое имѣніе и шестьсотъ тысячу долгъ. Враговъ Сперанскій имѣлъ множество и были среди нихъ умные лю-

*) Корфъ, т. I, стр. 18 — 24.

ди: Державинъ, Розенкампфъ, Армфельдъ, Ростопчинъ. Тѣмъ болѣе удивительно то, что они для его очерненія ничего путнаго не могли придумать. Обвиненія, которыя возводились противъ государственного секретаря, почти всегда безсмысленны, а иногда и фантастически глупы. «Сперанскій совсѣмъ быль преданъ Жидамъ», — пишетъ Державинъ. Балашовъ и Армфельдъ выдумали измѣну, сношенія съ Наполеономъ. Ненавидѣли его въ особенностіи за презрѣніе къ людямъ, которое онъ тщательно и безуспѣшно скрывалъ :». «Son âme et son orgueil ne sont pas d'un genre ordinaire, un tel caractÃ©re ne se pourrait pas des choses qui peuvent satisfaire le vulgaire des hommes... Il sait dompter les petites passions, parce qu'il se livre à la plus violente de toutes, à l'orgueil et au mépris des hommes», говорить о немъ известная Записка 1812 года. Сперанскій дѣйствительно былъ чрезвычайно гордъ и честолюбивъ. Въ его бумагахъ осталась папка съ надписью «материалы для біографії». На эту папку онъ имѣлъ неоспоримое право. Но гордость у него была своеобразная и уживаилась порою съ совершеннымъ забвенiemъ собственнаго достоинства. Въ ссылкѣ, въ Перми, бывшій правитель Россіи сдѣлалъ первый визитъ городскимъ властямъ ; никто не отдалъ ему посѣщенія, онъ отправился съ визитомъ вторично (Пермскій архіерей потомъ растерянно объяснялъ губернатору : «насилино ко мнѣ пріѣхаль и насилино остался обѣдать»). Въ Сперанскомъ былъ Ришелье и былъ Молчалинъ. Какъ преобразователь Россіи, онъ принадлежалъ исторіи и гордился своимъ историческимъ именемъ. За нѣсколько недѣль до своей кончины, подписывая бумагу, онъ сказалъ Рѣпинскому (который посовѣтывалъ ему добавить къ фамиліи инициаль имени) : «графъ Сперанскій — одиинъ на свѣтѣ». Но изъ ссылки, нужному человѣку, Аракчееву, онъ писалъ елейнымъ, Аракчеевскимъ же, языкомъ : «У васъ милость и истина срѣстася, правда и миръ облобызастася . . . Въ сей святой обители всѣ мысли идутъ отъ сердца чистаго, отъ побужденій благородныхъ». Рѣчь шла о сель Грузинѣ, — святой обители Настасіи Минкиной.

Ненависть къ себѣ аристократіи онъ объяснялъ своимъ плебейскимъ происхождениемъ и на старости лѣтъ прозрительно говорилъ Боровкову, что общество поддерживало бы его и защитило, еслибы только онъ согласился жениться на какой-нибудь Строгановой или Голицыной. На

самомъ дѣлѣ Сперанскій отнюдь не относился такъ пре-небрежительно къ связямъ съ аристократіей; свою dochь, влюбленную въ незнатнаго человѣка, онъ противъ ея воли заставилъ выйти замужъ за племянника графа Кочубея. « Великій ипокритъ », — сказалъ о немъ Канкринъ, хорошо его знавшій. Сперанскій не былъ лицемѣромъ; но въ прав-ственномъ отношеніи онъ былъ сложной смѣсью, какъ, впрочемъ, и въ умственной области: подлинный человѣкъ 18-го вѣка, съ безграницной вѣрой въ разумъ, въ « уста-новленія », въ писанное право, онъ былъ одновременно ту-маннымъ мистикомъ съ примѣсью самаго обыкновеннаго семинарскаго благочестія. « Я самъ себя едва ли пони-маю », — писалъ Сперанскій въ дневникѣ мальчикомъ. Мож-етъ быть, онъ такъ себя до конца и не понялъ.

Роль его въ послѣдніе годы Александровскаго царство-ванія была неопределенная и странная. Современникъ (Л. Голенищевъ-Кутузовъ) разсказываетъ, что возвращеніе на службу бывшаго государственного секретаря послѣ ссылки подѣствовало на умы такъ, какъ вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Сперанскій самъ былъ почти увѣренъ, что Александръ вернетъ ему милость и прежнюю власть. Но въ этомъ онъ ошибся. Непонятный запутанный романъ царя съ семинаристомъ остался безъ эпилога и разъясненія. Время шло. Въ правительство Спе-ранскаго не звали. Онъ то надѣялся, то терялъ надежду. Вполнѣ возможно, что въ 1825 году бывшій царскій люб-бимецъ сталъ немного надѣяться и на дѣло. « Дней Александровыхъ прекрасное начало » не возвращалось. Сперанскій не могъ вѣдь все таки забыть, что началомъ « прекраснаго начала » было цареубийство (съ отцеубий-ствомъ въ качествѣ персонального осложненія).

V.

Выборъ между властью и оппозиціей, между возста-ніемъ и приспособленіемъ — не новая морально-полити-ческая проблема. Но, быть можетъ, никогда проблема эта не вставала въ такомъ чистомъ видѣ, какъ здѣсь, на рас-путии новой русской исторіи. Впервые, послѣ династиче-скихъ распрай, послѣ дворцовыхъ переворотовъ, произо-шла въ Россіи идеяная политическая революція. Сдѣлали ее безкорыстные люди и впередъ на цѣлое столѣтіе намѣ-

тили великую традицію, намѣтили мечту десятка поколѣній.

Но одновременно передъ той же проблемой сталъ большой государственный человѣкъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ русской исторіи. Неясность, мы видѣли, окружаетъ дѣла и мысли М. М. Сперанского въ періодъ предшествовавшій 14-му декабря. Его любимая поговорка была: «Кто мететъ избу снизу»? Эту избу было трудно вымести и снизу, и сверху.

Игру сыграли другіе и сыграли ее неудачно. Началось Николаевское царствованіе. Никто не могъ точно знать, каково оно будетъ. Въ новомъ дѣйствіи нужно было выбрать роль.

Сперанскій сдѣлалъ выборъ — и также положилъ начало большой традиціи, послѣднимъ представителемъ которой былъ въ Россіи графъ Витте.

«Скудной крови» не хватило, чтобы растопить «вѣчный полюсъ». Настроенія Сперанского во многомъ были родственны Тютчевскимъ.

Вѣроятно, онъ тѣшилъ себя надеждой, что, доказавъ свою преданность и благонадежность, станетъ министромъ, совѣтчикомъ Николая I. Но при той атмосфераѣ подозрѣній, въ которой для Сперанского начиналось новое царствованіе, цѣль могла быть достигнута лишь цѣнной низости.

Онъ и сдѣлалъ эту низость. «Всеподданѣйший до-
кладъ» долженъ былъ вернуть Сперанскому власть въ его дальнѣйшей творческой работѣ и должна была найти оп-
равданіе кровь декабристовъ.

Надежды не сбылись. Этому монархисту не везло съ царями. Они не любили его и боялись. Изъ двухъ монарховъ, которымъ онъ служилъ, одинъ сначала отдалъ ему власть надъ Россіей, а затѣмъ собирался его разстрѣлять; другой пожаловалъ ему графское достоинство, но тотчасъ послѣ его смерти предписалъ опечатать всѣ его бумаги. Роль Сперанского въ царствованіе Николая I оказалась второстепенной, если не третьестепенной. Правда, онъ и на такой роли сумѣлъ создать Сводъ Законовъ.

Сперанскій послѣ разгрома декабристовъ могъ выйти изъ русской исторіи, сохранивъ достоинство. Въ папкѣ «Материалы для біографії» не было бы Свода Законовъ, но не было бы и Всеподданѣйшаго Доклада.

Личный вопросъ біографической цѣнности не можетъ

считаться решеннымъ. О решении громадного политического вопроса, который поставили декабристы и Сперанский, позаботилась самодержавная власть, въ теченіе вѣка приближавшая къ себѣ Бенкendorfovъ вмѣсто Сперанскихъ и Протопоповыхъ вмѣсто Витте. « Изба » отъ решения ничего не выиграла. Но цари разрешили споръ въ пользу декабристовъ.

М. А. Алдановъ.